

ВИТАЛИЙ
КРЕКОВ

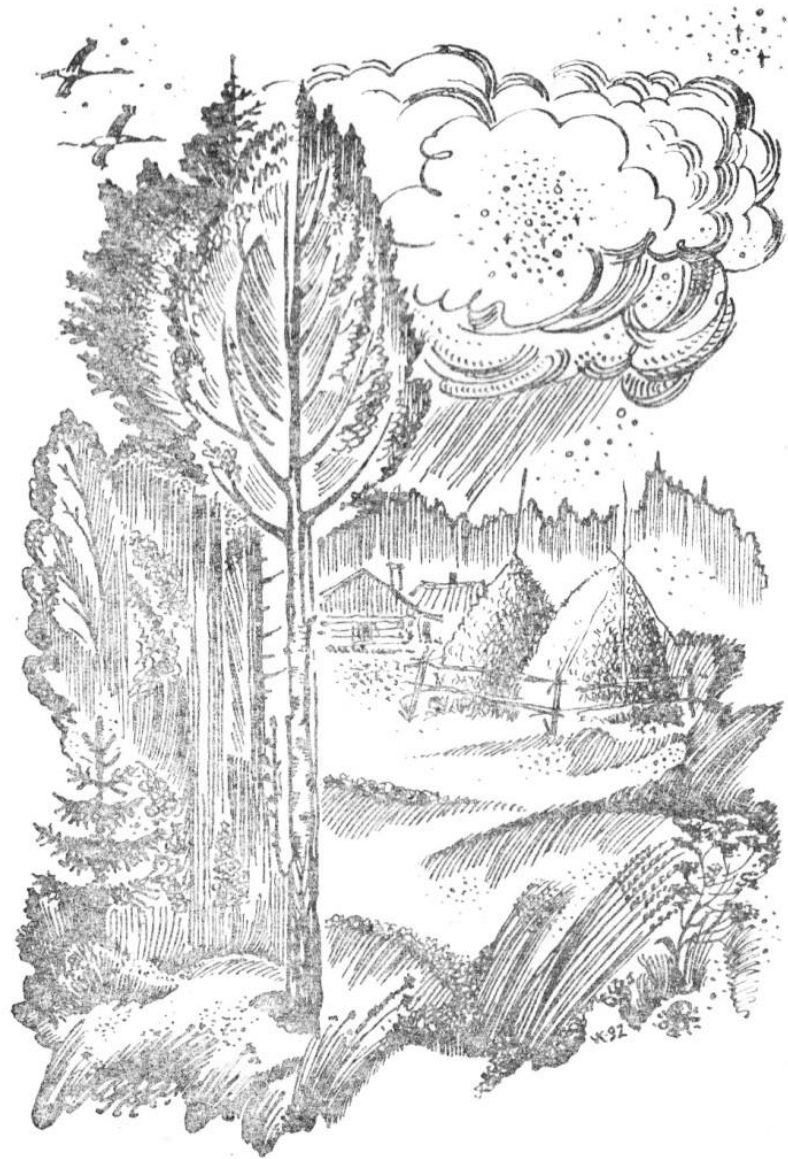
ВИТАЛИЙ
КРЕКОВ

*Все
родное, хорошее...*
стихотворения

© 2000 Издательство «Кузнецкая крепость» Кемерово

русская
сибирская
поэзия

Виталий
КРЕКОВ

Все.....
родное, хорошее...

Стихотворения

Кемерово
Издательство «Кузнецкая крепость»
1993

ББК
К79

* * *

Наша бедность граничила с Богом...
Память сердца всегда дорога.
За сухим ископыченным логом
На закате темнели стога.
Вот и сумерки встали стеною:
Резкий блеск одиноких огней,
И пастух одинокий в ночное
Гонит за день уставших коней.
Наша бедность... В бурьяне избушка
Да ведро над печною трубой,
Много неба и хлеба горбушка
В летний день с родниковой водей.
Одуванчиков желтых обнова,
На прополке картофеля мать...
Неустанно, как доброе слово,
Хорошо это все вспоминать.

К 4702010202-5
Л 77(03)-93 93

Без объявл. ISBN 587521005-2 © Креков В. А., 1993

* * *

Все было ново и ничье:
Сирень и смех в гортанях окон.
Затем на девичье плечо
Пролился светло-русый локон.

Был мною этот миг открыт.
За искушающие взоры,
Я знал, мой век не пощадит,
Хлестнет пощечиной суровой.

За то, что буду я ласкать
Его дитя, его невесту,
Меня он будет призывать
К немислимому совершенству.

* * *

В день воскресный уйду одинокий
В опустевший осенний озноб.
Затянула бывшие дороги
Киноварью трава конотоп.

И как в детстве, со мной — Божья милость,
Нажитого добра — ни гроша.
Вот былинка светло заслезилась —
И оная народилась душа.

МАРТ

Зовут дороги и тропинки,
Уходит жизнь в черновики.
Я чувства тоньше паутинки
Тяну из старой шелухи.

Вот изморозь на белой коже
Свернулась в теплую капель.
И сладкой болью потревожит
От ветра скрипнувшая дверь.

* * *

День проступал, и постепенно
Слабел покой ночных чернил.
Любовь из каменного плена
Прекрасный голос выводил.

И песня, с вековым напевом
О человеческой судьбе,
Вдруг стала невестиней девой
На недоступной высоте.

Я с накивью самообмана
Ждал счастья, как игрок в лото, —
И вот стою с дырой в кармане
Демисезонного пальто.

Нам, братьям по судьбе тревожной,
Кто след испить ее хотел,
Плутать всю жизнь по бездорожью
И плакать от убогих дел.

Но ослепительно и жгуче
Из выстраданной мной строки
Прозреет солнцем из-за тучи
Божественная кисть руки.

* * *

Слова к словам и лето в завязь.
Ладонь в ладонь вдоль городьбы
С тобою шли и целовались
На белых прописях судьбы.

Потом слезил зеленый выгон,
И в синих сумерках зимы
Ручьился зной: я был осыпан
Весь вишнями твоей любви.

И жаждал я, чтоб этот случай
Стал жизнью постоянных встреч, —
Носить авансы и полочки,
Зимой топить дровами печь.

Лелеять в сердце память лета,
Пространство выпавших снегов
И розовую водь рассвета,
И четкость дальних тальников.

* * *

А тучи были — ослабевший ад,
Пролившийся в поля живой водою,
И за окном черемуховый сад
Уже дышал невестой молодою.

А я за все, куда свой нос ни сунь,
Платил налево и направо штрафы.
Мне тридцать окончательно. Июнь.
И я вписал в пустующие графы —

О том, что знак звериный на челе,
Что от любви напрасной не болеть мне,
Что слышал в заблудившейся пчеле
Знакомый голосок тысячелетья.

* * *

Коль встречу на пути долину,
Не знавшую прохладу рос, —
От имени живого кину
Я откровенье алых роз.

И ужас пустоты студеной,
Где есть начало, нет конца,
Нарушу я своим законом —
Свободой звука и резца.

* * *

Побольше кислорода в грудь!
Миры деревьев под ветрами
И неба голубая суть,
Запятнанная облаками.

Мне этим не перебродить.
Молю Того, Кто выше срока,
Чтоб это нежное любить
Оставил душу мне и око.

* * *

И стала тишина неслышно шарить
По стенам, от угла и до угла,
И, шляясь темной ночью, чья-то память
Людей немых и странных привела.

Она коснулась век и лба устало,
Неосторожно обронив века,
И виделись невиданные страны,
Несхожие, как в небе облака.

И люди, коих Бог на землю бросил, —
Пусть навсегда исчезли их следы, —
Но каждый жил и нес в большую осень
Кто горькие, кто сладкие плоды.

* * *

Жить трезвее хочется, толковей,
Дни текут, как воды на весло.
В деревеньке, в стекляни ивовой
Теплое налажу ремесло.

До снегов споровю труд старинный...
Чтобы шов был тоньше волоска,
Как всегда, на полведерка глины
Сыпану я полведра песка.

Выйду, закурю, стихи слагая.
В отсветах заката у ворот
Стройная, красивая, родная
В полушалке шелковым придет.

* * *

Когда поля осмысливаю взором,
Когда я слышу развеселый смех,
То оживает прошлое, в котором
Любил и горько плакал человек.

Года мои короче, как ни странно,
Все вечерее надо мною дни.
В чертах людей я вижу, слышишь, мама,
Отчетливей печалины твои.

Моя любовь — не прелесть лунной ночи
И не уют под очертаньем крыш,
Но люди, от которых сердце хочет
Забиться в стог, как полевая мышь.

* * *

В кедровнике, среди таежных пашен,
Похоронив меня буранным днем,
Ушли — жизнь помянуть холодной кашей,
Толчонкою, овсяным киселем.

Закончил путь — минуты не просрочил.
Все годы к лучшей доле торопил.
Войну страдал, работал дни и ночи.
И бедных вдов неграмотно любил.

И был знакомый голос в час прощальный:
«О, назови мне слов такую твердь,
Чтоб дух мужицкий, обнажаясь далью,
Мог мартовской лазурью прозвенеть!»

НОЧЬ В ДЕНИСОВЕ

Открыты окна дуновенью,
От занавесок — многоточь,
Когда арктической сиренью
Льет древний свет шальная ночь.

И вечность смотрит нежным взглядом,
Вся женственность, вся для меня, —
Как будто в полночь вербным садом
Проводят белого коня.

Где воздух белостволья росный,
Купальниц огненных замес,
Опять девчоночьим знакомством
Сквознет помолодевший лес.

И снова — лошадь вербным садом,
Телега, цоканье подков...
И хлебным духом бродят рядом
Живые судьбы мужиков.

В ГОСТИ

I.

Как славно, мама! Посмотри —
Все поле зацвело!
Идем гостить денька на три
С гостинцами в село.

Идем к бесчисленным кустам.
Черемуха цветет.
Идем к любимым старикам
Работать в огород.

С действительной я ровно год
Вернулся молодцом.
В селе красавица живет
И служит продавцом.

Я познакомиться не прочь —
Тревожит сердце юнь! —
И целоваться с ней всю ночь,
Шептать слова в июнь.

II.

Какие, мама, облака!
Дождю большому быть.
В Денисово на два денька
Идем траву косить.
— День добрый, дедушка!
— Как звать
Мальчонку? Чьей родни?
— Из Волгограда, говорят,
Все не живем одни.

Вновь разговор. Хрустит опять
О терочку морковь.
Иван Данилыч — это зять,
Григорьевна — свекровь.

III.

Какая, мама, синева!
Несем с лугов цветы.
Еще не вкладывал в слова
Такой я красоты.

Как будто вечно юный гость,
Весна волнует грудь.
Проведаем с тобой погост,
А там — в обратный путь.

* * *

А я, как будто на все лето дачник..
Шумят грозой омытые сады,
И на стене играет теплый зайчик
Из бочки, полной дождевой воды.

На черных грядках острые росточки,
А на лугах, скрывая боль утрат,
Оранжевые, синие цветочки
На человека вежливо глядят.

Я самой нежной жаждал насладиться,
Но оказалось — выше нет любви,
Чем ощущать, как горный воздух, лица,
Отмеченные памятью земли.

* * *

Люблю, Мария, я твой дом
В печали северного сада,
Сараи, крытые ладом,
Герани, овощные гряды.

Под воскресенье с вещмешком
(Так отчего же сердце плачет?)
Спешу до сумерек пешком
Денисовской зеленой дачей.

Увидеть снова ширь полей,
Услышать родственное слово,
Узнать про жизнь твоих детей,
Твоих внучат белоголовых.

И вновь мечтать, мечтать о ней,
Которой очень, очень нужен,
Где сень березовых ветвей
И сквозняки домашних кружев.

ГОДОВЩИНА

Приехал в полдень. Просияло зыбко
Лучом тепла в Марейн огород.
Светло над поселковым клубом скрипка
Мелодию в далекое ведет.

Вот в дом вхожу, жму руки сродным братьям.
Как грусть о днях ушедших, дорогих —
Киоты обмелевших фотографий
Людей, которых нет уже в живых.

Жизнь сладкая и горькая — все праздник!
С такою верой обновляя мир,
Зазеленел мой скромный палисадник,
И птичий гомон огласил эфир.

* * *

Это август на мои изъяны,
В мой пробел невысказанных слов
Наморил высокие бурьяны
С гроздьями сухих, как жесь, цветов.

Без любимой снова прожил лето.
Жалко... Да не стоит горевать.
Буду лето с ведренным рассветом
По сорочьим гнездам собирать.

И войду в твой дом по праву брата.
Муж, задернув шторую окно,
С полузлойбой, полувиновато
По стаканам разольет вино.

ВЕСНА ГОСПОДНЯ

Кто жаждет бесконечного,
Высокого и горнего.
На нашу землю грешную
Идет весна Господня.

Отмою я вас, деточки,
От мира окаянного.
Уже водичка налита
В корытце деревянное.

Об ушедших душа отболит ли?
 Этот путь в царство Божье непрост.
 Пела голосом тонким молитву,
 Наводила соломенный мост.

Скрыт туманами берег великий.
 Но на пристани, где перевоз,
 Проступали их тихие лики,
 Что блины зеленыщих берез.

Ожидали, любили, просили,
 И понятно лишь было одно:
 Это нам, детям бедной России,
 Отстрадать на земле суждено.

Будем нищими плакать над бездной,
 Но бурьянника ветхая рать
 Как всегда, будет медом небесным
 В дни суровые сердце питать.

От воскресенья до затмения —
 Отмеренный судьбою след.
 Мое большое однодневье
 Перевалило за обед.

С нуля до часу было смутно,
 В четыре — появленье лиц,
 В пять — майское вздохнуло утро,
 Когда я шел послушать птиц.

Березы, сосны, крыша дачи,
 Слеза звезды на небесах.
 Идешь, ничем не озадачен,
 В чулках и новых башмаках.

Какая прелесть! Даже странно:
 Который час, который год?
 Но знаю: скоро, скоро мама
 На завтрак сына позовет.

Вот мать уходит, в доме пусто,
 Все вкривь и вкось, все набекрень.
 Лишь схваченный огонь искусства
 Украсит уходящий день.

Страстную долгую субботу
 Переживу, перетерплю
 И светлую мою работу
 Я в день второй осуществлю.

* * *

Я жил за той, за синею чертою,
Там, где свелись к нулю мои труды,
И юная рябина надо мною
Горела выше видимой звезды.

В разгаре август грозами варначил,
И, как слова давно минувших лет,
Я слышал ясно: на соседней даче
Велели брать малину на десерт...

* * *

Наде

Здесь тополя — с рождения Христа.
Здесь мне с тобою вековать-стараться.
Здесь вечер лет примерно на полста
И облака над нами лет на двадцать.

Твой шелк волос струится испокон,
В глазах — неостывающее лето.
И вся ты — излученье вешних крон,
Где времена и перемены цвета.

Мне никогда не пережить тебя.
В безлюдный вечер срединным маем
На лошади мы выедем в поля
И борозды картошкой забросаем.

* * *

Не возвожу я свой духовный кров,
Где от вершины до вершины снежной
Кочкарники холодных облаков
Плывут себе, плывут над чуткой бездной.

Пусть тяжела обыденности клеть.
Господь! Мне светит радость в жизни бренной:
Во дни глубокой осени глядеть
На озимь и деревьев люд смиренный.

* * *

О жизнь монеткой изотрусь,
Вконец растрочу дар сердечный,
С тяжелой головой проснусь
В избушке низкой на Заречной.
Но труд от всех падений спас.
Мысль проплыла в оконной раме:
«Как хорошо, что есть аванс
И три рубля еще в кармане,
Что прожитое равно дым,
Коль сортностью был ниже средних».
Уже вода под подвесным —
Тяжелая в листьях осенних.
Шаг сделаю, другой, еще,
В туманное завязну утро,
Увижу девичье лицо,
И станет солнечно и мудро.
И поведет мечту вперед —
Подумаю: «Откуда милость?
Или прошлое во мне живет?
Желанное со мной случилось?»
И, сдерживая чувства вал,
Скажу одно ей, не скрывая:
«Я Богом жил, Его я знал».
Она: «Его я тоже знаю».

* * *

Волочусь километрами.
Все любимо всерьез.
Днем апрельским заветрены
Колки белых берез.
Облака поналеплены,
Одежонка бедна,
В ней навязли, нацеплены
Мудрых трав семена.
Жизнь никак не дотянется
До хороших рублей.
Обувь, чую, развалится
В черноземе полей.
Скажет мать: «Все в порядке», — мне.
Будет после труда
Стол с обжитыми лавками
И простая еда.

* * *

Садим клубни на дальних полях
И по-птичьему присядем на отдых.
Эта рощица — белый сквозняк.
Эта роща — нетронутый воздух.

Эти пашни — земли чернолом —
Мне увиделись присно и ныне.
И купальница красным зрачком
Снова манит в зеленой низине.

* * *

Я вижу отчий край. Он весь,
 как речь живая.
Кругом светлынь небес и кислорода ток.
Привет тебе, привет, гвоздичка полевая!
Как малый мотылек, твой розовый цветок.
Как в прошлом, на лугу короткое свиданье,
И отошедшей, той, летучая краса...

На венчике твоём и дух, и расстоянье
Стоят, как в летних лужах небеса.

РОЖДЕНИЕ

Земля до ребер кожурою лезла,
Как черный снег после февральских стуж.
И облака, как вечная одежда
Давным-давно отголосивших душ.
Я жизнь свою прожил еще отчасти,
Но на язык взглянув, на острие —
Был как прозревший от недуга мастер,
Увидевший творение свое.
И голос: «Человек, в огонь входи,
И принимай его, как вечный праздник.
Единственным своим путем иди
Туда, где солнце без тебя погаснет».
Вот девушка с лицом мечты и грез
В огонь ступила стройною ногою.
Морозный иней самых дальних звезд
Скатился по щеке ее слезою.
И будет утро. Вечер. Звуки лир.
И обновленья вечное начало.
И будет мудрый и безумный мир
Меч поднимать и опускать забрало.
Приблизился, сгорая от любви.
Полнеба озарив алмазной плетью,
Я канул в мир нечувствия и тьмы —
За миг между рождением и смертью.

БЕРЕЗЫ В ВЕТРЕННЫЙ ДЕНЬ

На расстанях разлук,
Где за полдень в июне,
Где сорок белых рук
В любимое нырнули, —

От милых нет вестей.
Привольем — ветер сладкий.
Не вырвет из кистей
Зеленые охапки.

Просторы, жизнь, покой,
Тень облаков след к следу.
Спешу, спешу домой!
Вот дома только нету.

А он возникнет вдруг —
Там, за полдень, в июне,
Где сорок белых рук
В любимое нырнули.

* * *

Купавы, жаркие купавы,
Вы — трепетные огоньки.
В полях замолодели травы,
Сквозные веют ветерки.

За Иртышом, за синей Обью
Проглянет серогазо Томь.
И там — за далью и за долью —
Стоит мой одинокий дом.

Там на оранжевые сгустки
Я лягу, руки распластав,
Увижу радостное утро
И солнце в чашечках купав.

* * *

Я помню: на кончину февраля
Лишь оттепель коснулась крыш немножко,
Ты вглядывалась в дальние поля,
Лицом уткнувшись в талое окошко.

А за окном стоял погожий день
И на шестах скворечники теплели.
И уши распронизывала звень,
И отрясали снег последний ели.

Ты не сказала мне ни «да», ни «нет»,
Не захотела от меня отпрянуть.
И в сумерки ты не включала свет,
Чтоб втихомолку сладкой дрожью зябнуть.

Ты говорила: «Приходи потом,
Когда апрель разучивает гаммы...»
Потом — насквозь проветривали дом,
Сорили ватсй, с мелом мыли рамы.

* * *

Чтоб пережить хороший сон,
Мне стоит только в мой знакомый
Шахтерский выехать район,
Увидеть дом за терриконом,

Дом голубой, где ждет уют,
Где чаем встретят непременно,
В подарок прозвучит этюд,
Рожденный гением Шопена.

Там стопки интересных книг,
Как ожиданье встречи с музой,
Под ноты спрятанный дневник
Особы юной, светло-русой.

А может, скажут мне: «Пора, —
Как ковш воды плеснут за ворот, —
Забудь ее. Она вчера
Уехала в далекий город».

* * *

Цветочницы скромны и тихи,
Им осень обещает отдых.
В ведре последние гвоздики
Холодный согревают воздух.

За дождиком — звонок трамвайный.
В оцепененьи — окна зданий.
И женщиною оживает
Тепло моих воспоминаний.

* * *

Как непредвиденное диво,
В раздолье злаковых полей
Приезжего встречали ивы
Могуществом своих ветвей.

Дождили дар листвы богато,
Когда мертвел под снегом дол.
Был виден каждый — в два обхвата —
Корявый почерневший ствол.

Был скромен замысел мой давний:
У той, у брошенной избы
Сменить полы, навесить ставни,
Поправить верх печной трубы.

И жить легко, неторопливо
Вдали от пасмурных времен.
И с располневшею любимой
Раз в год наведывать район.

* * *

Еще сентябрь не начинал дожди
И бархат синевы не опорочен.
Живу последним всполохом любви,
По паутинкам осязаю осень.

Вот солнечною грустью канул день.
Я, путником в осенней тьме блуждая,
Люблю тот дом, где былью скрипнет дверь
И ослепит крыльцо настоем чая.

И чувства, невесомые мосты,
Меня соединяли на вокзале
С девчонкой, целовавшей рот сестры
Большими откровенными губами.

Так, миновав стихийные моря,
На твердый берег опуская сходни,
Все верую, что снова жизнь меня
Заполнит горячею любовью.

* * *

Я искал тебя, любил и верил,
Чтобы жить и чисто, и светло.
Ты входила, не затронув двери,
Как рассвет в оконное стекло.

О, как долго продолжалась нега,
Изменялись кроны тополей,
Опадала пригоршнями снега
Тишина неповторимых дней.

Мы с тобой, любимая, далеки,
Но — как крылья, но — как два весла.
И опять стекают ливнем строки
С твоего заветного письма.

* * *

Ты зачем в мою синь поднебесную —
Невеселые эти дела —
Неживое, горластое, тесное
За любовь-то мою привела?

А во мне уголочек есть праведный,
Там и тешится разум и плоть.
Там своей тишиною ягодной
Наделяет людей Господь.

Там всегда я в минуты свободные
Прохожу память лет не спеша
По весне, где полями голодными
Надышаться не может душа.

* * *

Вновь к касанью девичьих ресниц
Своенравная муза ревнует
За короткий полет белых птиц
В этом синем окне поцелуя.

Век печалюсь — и век не один,
А кругом в черных пашнях долина.
И река, где судьба белых льдин,
Прошумит новогодней лавиной.

Я могу ничего не иметь
В этот солнечный день, но отныне
Только хочется дольше глядеть
На бурьян прошлогодней польни.

Будем нищими плакать над бездной,
Но бурьянника ветхая рать,
Как всегда, будет медом небесным
В дни суровые сердце питать.

ВСТРЕЧА

Дома и копыя колоколен
Тонули в серый полумрак,
И я задел тебя, Бетховен,
Плечом о запыленный фрак.

Глазами мне яснее речи
Ты показал дверной проем
И, руку положив на плечи,
Мне жестом предложил: зайдем.

В пивной свеча едва чадила,
Гудел колоколами пол.
Нам кто-то по две кружки пива
Поставил на дубовый стол.

Ты не спросил, кто я, откуда,
Лишь молвил: «Гений трезвых сил,
Нам сладостна твоя минута,
Которой ты нас причастил.

Прозреем мы наполовину,
И смерти жесткая рука
Нас вытолкнет за край могилы,
Как пьяницу из кабака...»

* * *

Пост осени. Пора поститься мне
Забутыми ноябрьскими деньками —
Побыть с самим собой наедине
И жить первоначальными снегами.

Год позади. Тревог не перечесть.
Все пережил, все сердцем переплавил.
С листовсй простился, но железо есть
В кольце годичном — под корой окалин.

Пост осени! Как горный перевал.
И снова дали — четвертью Вселенной.
И грудь моя, как опустевший зал,
Где гулко голодны по звукам стены.

* * *

На Барзасе букварная осень.
Холодок родниковый сквозит.
Далеко пропечатался в просинь
Лес зелено-фарфоровых пихт.

Снова молодо, звонко, удало
Зазвенел на ветру листопад.
По логам грозовые начала
В недрах нежные кедры таят.

Я забудусь минутой счастливой
И увижу сирень, как сейчас.
И свидание с самой красивой
В обещающий утренний час.

До лесхоза осталось немного,
Проезжаем, сжигая бензин,
Лесопильню с железной дорогой,
Горсть барачков, карьер, магазин.

Нам задача с шофером Иваном:
Поменять кирпичи на горбыль.
И томит здесь, в краю деревянном,
Ножевая, мордастая быль.

* * *

Дни свиданий в закатах сгорали,
Заходило за облако облако.
Нынче осень стояла сырая —
Цветом мы насладились до обморока.

Утеплялись вторыми рамами,
А в топольниках за гаражами
Одиноких встречал праздник храмовый
С колоннадами и витражами.

Точно озеро холодом — осветлит
В этой осени речи любовные.
На осинах последние листики
Догорят огоньками церковными.

* * *

Уже не путь, а колея.
Яснее, холодней рассудок.
На образ твой судьба моя
Уже кладет другой рисунок.

Да, все напрасно, наугад:
Вчера — любимый, а сегодня —
Ложится желтый листопад
С дождем — на черный, прошлогодний.

То кисть рябины, то сирень,
То лист последний — сгустком зноя.
И вся-то радость — зимний день,
Разбавленный скупой весною.

* * *

Как год за гранью февраля,
Уйду, оставив труд полезный,
Другие обживать края,
Рассматривать другие бездны.

И как большой судьбы исход —
Свидание с отчизной милой,
На черный сумрак упадет
Цветная тень моей любимой.

Она — воскресная родня
Под долгим и бесслезным взором,
Так обделившая меня
Обыкновенным разговором.

ВЛАСКОВО

Живу ни бедно, ни богато,
Передним не хвалюсь углом,
Но узнаю свои палаты
И славлю мой счастливый дом.
Мой дом — поля, где вольно ветрам,
Направо, напрямик, левей...
Лужайка заячья и кедры
С зеленым космосом ветвей.
В них я, возвышенный, открытый,
Молитвенно лелею дух,
Ведь выше стали и гранита
Окажется мой робкий звук.
За банькой, чуткостью в полмира,
Зальет ночная тишина, —
Подвыпившего бригадира
Ругает бойкая жена.

ТУВИНСКОЕ

Туда, к неведомым местам,
Мы едем Гусинской дорогою.
Здесь кедры горные, а там —
Нечеловеческое, Богово.

Мы будущее наживем...
Бросая прошлое степенство,
Качаемся, мой друг, вдвоем
В большой машине Тувагентства.

Глядим в окно, разинув рот.
Заоблачного серпантина
Уже девятый поворот
Машина с ревом проглотила.

Там, где Тоора Хем, Эрзин,
Изъеденные ложной скукою,
Истаем мы, как сизый дым,
Над черною тувинской трубкою.

* * *

И хлеб, и соль, и винограда гроздь,
И сотни дней, торжественных и разных...
О жизнь, в твоих глазах я — скромный гость,
Пришел к тебе на самый главный праздник.

Так властвуй, коды такая власть дана.
Твой свет величье помыслов умножит.
Как отрочество гения, весна
Меня апрельским воздухом встревожит.

Я вскину руки, твой услышав зов,
Очеловечу небо голубое.
И буду плакать. И не хватит слов
Воспеть твое величие земное.

Так я живу и тихим гневом зол
На то, что столько нам еще бороться,
Чтоб каждый в сердце каждого вошел,
Облитый светом утреннего солнца!

* * *

...Но все же птицы, пролетая,
Нашли в моих краях предел.
И снег прискорбной тенью таял,
И в небе жаворонок пел.

Я жить хотел как можно проще,
Как можно проще песни петь
Там, где разбуженные рощи
Не начинали зеленеть.

Отведав суть сырого вкуса
Распутицы, дорог, полей,
Они смотрели темно-русо
Разлетами родных бровей.

* * *

Гряды светло-коричневых березок,
Мой будничный, обыкновенный край,
Где пашни, пашни на гигантском плесе,
Гигантской жизни, уходящей вдаль.

С небес высоких, словно камень в воду,
На дно светлопечальных рощ родных,
Спешу любовью заслужить работу
Отцов, дедов и прадедов моих.

И не последний здесь я и не первый,
И сколько б глаз красот ни ворошил —
Я вижу здесь разверзшиеся недра
Огромной человеческой души.

ПОЛЕ КУЛИКОВО

Мне стало сниться поле Куликово...
Стою и жду в передовых рядах.
Уже и чаша смертная готова,
И проступает изморозью страх.

Напротив — сталь булатная и лица,
Татарской тьмою кроет белый свет.
И о спасеньи стоит ли молиться,
Когда уединенья в мире нет.

К нам сходит мать святая — ниже, ниже.
Хочу сказать: «Прими сыновний долг.
Я видел твои царственные ризы,
Твой бесконечно-синий потолок.

Я есть твой **хлебосеятель** и ратник,
Не поклониться на прощанье вслед».
...Вот от ордынцев скачет мрачный всадник,
И в бой вступает инок Пересвет.

ВСЕ РОДНОЕ, ХОРОШЕЕ

(Русская тема)

Говорила родное, хорошее:
«У отца моего лошадь белая.
Сад большой, в нем все яблони, яблони.
И река, и луга тонкотравные,
Да цветистые-расцветистые».
И лицо ее было худенько.
Только губы алые-алые,
И ноженьки тоненькие,
И коленочки кулачками.
И подумал я: «Ах ты, ребрышко!
Полевого закатного солнышка».
Край мой отчий — просторы осенние,
С пихтачами, кедровыми соснами,
Просветленный кругом березами,
Сохраняющий гул человеческий,
На великое призывающий!
Занесло к тебе это зернышко
Полевого закатного солнышка,
Голосочек, печалинку русскую.
И увидел я землю курскую.

Обнял тесть. Молвил: «Милые деточки!»
Так сбывалось родное, хорошее.
Мать крестьянскую руку подала —
И опять хлопотать по хозяйству.
Отпустили на луг лошадь белую.

Тетя в стайке пропала с ведрами.
Я, как гость, с любимой отправился
В сад большой, где все яблони, яблони.
Называла меня любимая
«Лапотулечка пучеглазая».

А потом посвежевшим вечером
Тополя долам так и кланялись.
Небеса в них блестели стеклами,
В них далекого много помнилось.

Приспешила душа Марусенька,
По родному дому соскучившись.
Папа Ваня зашел с мамашкою,
Говорил: «Опять с переводами
Много денег-де с книжки попорчено».

А потом для знакомства на свадьбу
Вся родня кто как есть собиралась:
Прибыла тетя Саня из Глухова
Со своей незамужней племянницей.
Привезли тетю Мотю из Теткино
С тремя мерами меду пчелиного,
Приплелась тетя Водя из Кекино

С непорожней бутылью старинною.
И пошло: кумовья из Шагарово...
Полон дом молодого и старого.

Папа Ваня попортил сто рубликов,
Да махнул, и еще дал пять красненьких
На семейное становление.
Ну с мамашкою, разумеется.

Завернули Волчок с Васей Трустиком
Посмотреть зятя Коли Десятого.
Зять «Байкал» пел, «Тюрьму Мариинскую»,
Да про гибель полка партизанского.
А потом мы Москвою улыбчивой
Все ходили и любовались.
И у башен на Красной площади
Светлым духом ее причащались
Дети вольных краев Отечества,
Братья, сестры, белые, смуглые.
И любимая, личико худенько,
Только губы алые-алые.
И ноженьки тоненькие,
И коленочки кулачками.

Половина уж жизни прожита.
Стало далью родное, хорошее.
Но плотней к сердцу слово «Родина»,
От любви большой необъятная.
Не взлетает душа, к земле ластится,
Обнажая пространство окнами.

В них и Курщина огородная,
Урожайными нивами тесная.
Вот в Сибири в окно постучались,
Принесли телеграмму скорбную.
Чтоб в живых застать мать болезную —
Самолетом утром. А вечером
Домочадцы, вздыхая, встретили...
Для больной было все последнее.
И она, от рожденья смиренная,
Говорила: «Эх, так бы вас встретила!»
Поднесли золотую внученьку,
Поспешали за соком березовым
В сад большой с пол-литровой баночкой.
Мутным соком береза капала.
А душа-то, душа-то плакала.

К отошедшей потом на прощание
Вся родня кто как есть собиралась.
Прибыла тетя Саня из Глухова
Со своей незамужней племянницей.
Привезли тетю Мотю из Теткино
С тремя мерами меда пчелиного.
Приплелась тетя Водя из Кекино
С непорожней бутылью старинною.
И пошло: кумовья из Шагарово...
Полон дом молодого и старого.
Папа Ваня положил сто рубликов
И заплакал: «Татьяна Андреевна!»
Встали к гробу Волчок с Ваней Трустиком,
В лихолетье солдаты стойкие.

Запрягли во дворе лошадь белую,
 Привезли бабу Веру старую.
 Та глазами глядела летними,
 Говорила: «Так что же ты, доченька,
 На груди своей рученьки сложила?»
 А гусыни, на гнездах сидевшие
 Под кроватью, просились на улицу.
 Прямо в комнате крыльями хлопали.
 На плечах несли сельским кладбищем,
 Уж давно полысевшим от времени.
 Там могилка одна светилася: —
 «Коля. Зверски убит фашистами».
 Февралем обожгло воочию.
 Стало к сердцу тесней слово «Родина».
 Вот оно, все родное, хорошее.
 И любимая, личико худенько,
 Только губы алые-алые.
 И ноженьки тоненькие,
 И коленочки кулачками.

СОДЕРЖАНИЕ

«Наша бедность граничила с Богом...»	5
«Все было ново и ничье...»	6
«В день воскресный уйду одинокий...»	7
Март	8
«День проступал, и постепенно...»	9
«Слова к словам и лето в завязь...»	10
«А тучи были — ослабевший ад...»	11
«Коль встречу на пути долину...»	12
«Побольше кислорода в груди!...»	13
«И стала тишина неслышно шарить...»	14
«Жить трезвее хочется, толковей...»	15
«Когда поля осмысливаю взором...»	16
«В кедровнике, среди таежных пашен...»	17
Ночь в Денисове	18
В гости	19
«А я, как будто на все лето дачник...»	21
«Люблю, Мария, я твой дом...»	22
Годовщина	23
«Это август на мои изъяны...»	24
Весна Господня	25
«Об ушедших душа отболит ли?...»	26
На земле	27
«Я жил за той, за синею чертою...»	28
«Здесь тополя — с рождения Христа...»	29
«Не возвожу я свой духовный кров...»	30

«О жизнь монеткой изотрусь...»	31
«Волочусь километрами...»	32
«Садим клубни на дальних полях...»	33
«Я вижу отчий край...»	34
Рождение	35
Березы в ветреный день	36
«Купавы, жаркне купавы...»	37
«Я помню: на кончину февраля...»	38
«Чтоб пережить хороший сон...»	39
«Цветочницы скромны и тихи...»	40
«Как непредвиденное диво...»	41
«Еще сентябрь не начинал дожди...»	42
«Я искал тебя, любил и верил...»	43
«Ты зачем в мою синь поднебесную...»	44
«Вновь к касанью девичьих ресниц...»	45
Встреча	46
«Пост осени...»	47
«На Барзасе букварная осень...»	48
«Дни свиданий в закатах сгорали...»	49
«Уже не путь, а колея...»	50
«Как год за гранью февраля...»	51
Власково	52
Тувинское	53
«И хлеб, и соль, и винограда гроздь...»	54
«...Но все же птицы, пролетая...»	55
«Гряда светло-коричневых березок...»	56
Поле Куликово	57
Все родное, хорошее	58

Литературно-художественное издание

Крёков Виталий Артемьевич

Всё родное, хорошее...

стихотворения

Редактор В. В. Колянов

Художник В. П. Кравчук

Технический редактор Г. Н. Манохина

Сдано в набор 10. 11. 92 г. Подписано к печати 01. 02. 93 г. Формат 60×84 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 1,86. Усл. кр.-отт. 1,92. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 1200 экз. Заказ 209. Цена договорная.

Издательство «Кузнецкая крепость»,

654007, г. Новокузнецк,

пр-кт Кузнецкстроевский, 1.

Редакция,

650099, г. Кемерово, Советский пр-кт, 40.

Типография УВД.